

Источник: Таганрогская правда
Дата выпуска: 12-18.07.2013
Номер выпуска: 207-209
Заглавие: «Архиерей»: от замысла к воплощению
Автор: Е. Кожевникова

Памяти Антона Павловича Чехова, скончавшегося в ночь на второе июля 1904 года по ст. стилю на юге Германии в Баденвейлере

Один из последних рассказов А. П. Чехова «Архиерей» считается не только наиболее красивым и изящным, но в такой же мере загадочным и даже таинственным. Он привлекает внимание исследователей необычностью формы, композицией, «близкой по типу к симфонии и лирическому стихотворению».

Впервые рассказ был опубликован в апреле 1902 года в «Журнале для всех». Через год Антон Павлович, читая корректуру девяти рассказов, предназначенных для тома XII приложения к «Ниве», попросил издателя А. Ф. Маркса нарушить хронологический порядок и поставить «Архиерей» заключительным. Причину автор не объяснил. Сам этот факт свидетельствует о принципиальной для него значимости созданного рассказа.

Процесс работы оказался для Чехова необычайно сложным и долгим. 16 марта 1901 года он сообщил в письме О. Л. Книппер, что пишет рассказ «Архиерей» «на сюжет, который сидит у меня в голове уж лет пятнадцать». Простой арифметический подсчет позволяет заключить, что возникновение замысла относится к 1887-1889 годам.

1887 год - один из важных в творческой биографии писателя, период напряженных творческих исканий. В начале апреля он принял решение ехать на юг, в родные края. Бережно сохраняемые темы и сюжеты могли засверкать новыми красками. Хотелось многое уточнить, «изучить местную жизнь». Итогом путешествия (4 апреля - 17 мая) стал знаменитый цикл «степных» произведений во главе со «Степью». Рассказ «Счастье» в нем занимает особое место. Его герои, следуя земным желаниям, видят счастье в нахождении кладов. Чехов же хотел сказать, что истинное счастье в другом, люди ищут не там... Настоящий клад - это нетленные человеческие ценности.

Можно предположить, что именно тогда, в 1887 году, многие наблюдения и «тьма впечатлений» писателя легли на «фильтр памяти» в ожидании своего часа. Чехов вернулся к идее написания рассказа в сентябре 1898 года, когда жил в Ялте. Как-то гуляя по набережной, увидел у фотографа карточку Таврического епископа Михаила, незадолго до этого умершего от чахотки. Он был снят вместе со старушкой матерью. Лица обоих, страдальческое выражение на умном, одухотворенном лице архиерея произвели на Антона Павловича неизгладимое впечатление. Купив фотографию, поместил среди карточек писателей, артистов, знакомых ему людей. Часто подолгу ее рассматривал. Познакомившись в конце 1898 года со священником, учителем ялтинской церковной школы, литератором С. Н. Щукиным, показал ему эту фотографию и расспрашивал о преосвященном Михаиле. Щукин хорошо знал его - это был один из умнейших архиереев, имел большое влияние на прихожан. Перед тем, как приехать в Крым, он служил в Афинах настоятелем русской посольской церкви. «Мысль об архиерее, очевидно, стала занимать его», - отметил в своих воспоминаниях С. Н. Щукин, - однажды при следующей встрече Чехов, глядя на фотографию, сказал: «Вот прекрасная тема для рассказа...»

Между августом и декабрем в записной книжке писателя появилась запись основных сюжетных линий рассказа. Тогда же, к концу года, определилось и его название. 20 декабря Чехов закончил повесть «В овраге» и скорее всего приступил к новому рассказу, но 17 января заболел и всю зиму не мог работать.

Жил он уже в выстроенном доме, который все стали называть «Белая дача». Еще 8 сентября в Ялту приехали мать и сестра. Мария Павловна пробыла в Ялте полтора месяца и

возвратилась в Москву. И вскоре она получила одно из самых печальных писем брата: «Ты пишешь про театр, кружок и всякие соблазны, точно дразнишь, точно не знаешь, какая скука, какой гнет ложится в 9 часов вечера, ложится злым, с сознанием, что идти некуда, поговорить не с кем и работать не для чего, так как все равно не видишь и не слышишь своей работы...»

Тем не менее в начале ноября 1900 года после завершения пьесы «Три сестры» Чехов продолжил работу над прозаическими произведениями. Очевидно, замысел «Архиерея» уже не оставлял его. Но мешало нездоровье, одолевали творческие сомнения. Вскоре, приехав в Москву, он посетил известного врача-терапевта В. А. Щуровского. Оказалось, что ни Ялта, ни Ницца не остановили легочного процесса, напротив, он шел чрезвычайно быстро. И сомнений у Чехова-врача уже не было. Он не знал точно, сколько ему оставалось. Для такого мужественного человека выбор - прожить или жить - не стоял. Только жить! 25 мая 1901 года в церкви Воздвижения на Овражке в Воздвиженском переулке на Плющихе он обвенчался с О. Л. Книппер. Оттуда новобрачные, заехав к матери Ольги Леонардовны, сразу же отправились на вокзал. По совету доктора Щуровского они уехали в Уфимскую губернию в санаторий Аксеново, где Антон Павлович должен был принять курс лечения кумысом.

Санаторий скоро надоел ему, и через месяц, не закончив курса лечения, но почувствовав себя лучше, Антон Павлович с женой уехал в Ялту. Хотелось работать. Но в Ялте он почувствовал себя плохо. Можно предположить, что ухудшение состояния здоровья, несмотря на кумыс, окончательно убедило, что дни его сочтены. 3 августа 1901 года он написал Марии Павловне письмо-завещание (до самой смерти писателя оно хранилось у Ольги Леонардовны), в котором не забыл не только ни одного из членов своей семьи, но и родной город. В конце стояло: «Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно».

Лишь 20 февраля 1902 года рассказ «Архиерей», создававшийся так долго и мучительно, полный глубокого философского смысла, был выслан редактору. Сразу же после публикации возник вопрос о прототипе главного героя. В Ялте были убеждены, что речь идет о преосвященном Михаиле. Узнав об этих разговорах, Чехов, принимая у себя С. Н. Щукина, сказал: «Слушайте, говорят, что я описывал вашего архиерея; вздор, я не имел его в виду...» Кого же тогда Антон Павлович описал в своем рассказе? Очевидно, никого в частности. Это подтверждает и свидетельство И. А. Бунина. Он был глубоко убежден, что в «Архиерее» автор «слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну».

Что же касается Таврического епископа Михаила, здесь Иван Алексеевич был не совсем точен. Возможно, сыграла роль магия чудесной фотографии, кто знает? Однако все было гораздо сложнее. Создавая образ главного героя, принадлежащего к определенному общественному кругу, Чехов, прекрасно зная с детских лет психологические и бытовые приметы этой среды, создал картину яркую и убедительную. Однако чеховский архиерей был очень необычен, не типичен. Он во многом отличался от служителей высокого сана, убежденных в разумности и значимости своей деятельности. Антон Павлович пишет о человеке, который, наоборот, страдает и видит облегчение в избавлении от своего высокого положения. Его герой еще человек не старый, но уже архиерей. Избранность его заявлена самим его именем: церковное

Петр - мирское Павел, сын деревенского дьячка.

Очевидно, это необходимо было автору для введения темы апостольства - высокого служения идеалу, требующего от человека полной отдачи и высочайшей ответственности. Долг духовного наставника, его сан архиерея обязывали помогать своей пастве. Но хотя он служит церкви и любит все церковное «врожденной, глубокой и неискоренимой любовью», эта любовь не распространяется на конкретных людей.

Чехов показал конфликт между данностью человека (Петр) и его личностью (Павел). Перед нами словно два человека, соединившиеся в одном. Своим саном архиерей возбуждает в людях страх. Раболепие окружающих формирует его «архиерейский» характер: «И он,

который никогда не решался говорить дурно о людях, никогда не упрекал, так как было жалко, с просителями выходил из себя, сердился, бросал на пол прошения».

Тем не менее власть над людьми не превращает Петра-Павла в деспотическую личность. Вопреки официальности высоко сана его искания в области веры не завершены: «Он думал о том, что вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении... но все же не все было ясно, чего-то еще не доставало, не хотелось умирать». Но даже и такая духовно содержательная личность нуждается в другой личности, которой она могла бы открыться: «Хоть бы один человек, с которым можно было бы поговорить, отвести душу!» В тисках этого регламента у архиерея «целый день душа дрожит». Монастырь, в котором он живет в силу своего высокого положения, подавляет его: «Кажется, жизнь бы отдал, только бы не видеть этих жалких, дешевых ставень, низких потолков, не чувствовать этого тяжелого монастырского запаха... Какой я архиерей... Меня давит все это...»

Необыкновенным благом для архиерея является приезд его матери и племянницы. Человеческое в его душе неугасимо. Пробужденное приездом матери, оно «разгорается, как пламя».

В финале рассказа Мария Тимофеевна, увидев умирающего преосвященного, забыла о его сане: «Она испугалась, упала на колени перед кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. И ей почему-то казалось, что он худее, слабее и незначительнее всех... целовала его, как ребенка, очень близкого, родного...» А он не мог выговорить ни слова, и «представилось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица... Под утро в субботу... преосвященный приказал долго жить...».

Прошло совсем немного времени. После назначения нового викарного архиерея о прежнем «совсем забыли». А матери вообще не верили, что у нее был сын архиерей.

Почему забыли преосвященного Петра? Почему никто не верил матери? Возможно, потому, что умер человек, не сумевший в полной мере реализовать потенциал своего внутреннего «я» в данной ему жизни. И верим ли мы сами в небесследность прожитой кем-то жизни, тем более жизни незаурядной личности? Таков чеховский вопрос, обращенный к читателю на все времена.